

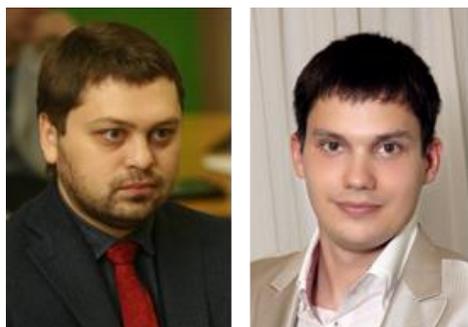
ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ:
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

УДК 316.422.42:4.063.22

© 2015 г.

*К.В. Воденко,
С.С. Черных*

ДИВЕРСИФИКАЦИЯ РОЛИ
ИНСТИТУТА ВЫСШЕГО
ОБРАЗОВАНИЯ В ПРОЦЕССЕ
ВОСПРОИЗВОДСТВА
И КОНЦЕНТРАЦИИ
СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА

Воденко Константин Викторович – доктор философских наук, профессор Института социологии и регионоведения ЮФУ, г. Ростов-на-Дону, e-mail: vodenko-kv@rambler.ru

Черных Сергей Сергеевич – кандидат философских наук, доцент Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) имени М.И. Платова, г. Новочеркасск, e-mail: s.s.chernykh@mail.ru

---

Аннотация. В статье рассматривается влияние института высшего образования на процессы концентрации социального капитала молодёжи. Анализируются мотивы, которыми руководствуются молодые россияне при получении высшего образования. Подчеркивается, что при помощи понятия «социальный капитал» можно эффективно измерять вклад учащейся молодёжи в процессы общественного воспроизводства. Авторы признают, что в современном российском обществе наблюдается фактическое снижение роли высшего образования как фактора восходящей мобильности, обусловленное стратификационной моделью закрытого общества.

Ключевые слова: система высшего образования, социальный капитал, молодёжь, социальная стратификация, социальный статус, процессы социальной мобильности, дифференциация образования.

Высшее образование продолжает оставаться востребованным в российском обществе, поскольку спрос на него комбинируется потребностями, прежде всего, молодёжи страны в приобретении профессиональных компетенций и социального статуса. Образование представляет собой нематериальный ресурс (социальный капитал), который даёт возможность его обладателю поддерживать должный уровень конкурентоспособности на рынке труда. В целом сложившуюся ситуацию подтверждают социологические исследования, свидетельствующие в пользу роста численности студентов отечественных вузов и позитивного отношения граждан России к владельцам дипломов о высшем образовании [6]. Образовательные институты создают фундамент устойчивого развития страны в условиях неопределенности и риска, которые во многом вызваны кризисом отечественной экономики. Кроме этого, образование выполняет важную социоструктурную функцию программирования ценностного базиса молодого поколения, направленного на конструирование трудовой и гражданской солидарности. Таким образом, перед институтом высшего образования стоит, по сути, гуманистическая задача формирования целостной личности, способной к восприятию широкого спектра научных и профессиональных компетенций, ориентированной на инновационную активность и трансляцию ценностей гражданского общества [см.: 2].

Очевидно, что система высшего образования оказывает прямое воздействие на формирование социальных стратегий и практик молодёжи, направленных на достижение последними лучшего будущего, реализуемого посредством профессиональной карьеры. Согласно результатам проведенных опросов: 52,2 % студентов вузов (учащихся 1-х курсов) указали на *интерес к профессии* в качестве главного мотива получения высшего образования; 16,1 – подтвердили, что на их образовательные стратегии оказала влияние *престижность* выбранной профессии, ещё 17,6 % респондентов акцентировали внимание на *перспективах* будущего карьерного роста [4, с. 228]. Из лидирующих ответов, которые отличаются определенного рода связностью, можно сделать вывод о том, что доминирующей *интерес к профессии* среди студентов подкрепляется *престижностью* и *перспективностью* выбранной ими образовательной траектории. В целом результаты исследований подтверждают нацеленность большей части представителей учащейся молодёжи на гарантии собственного стабильного развития, которые предоставляет институт высшего образования. Интересно, что всего 7,3 % респондентов указали на высокий заработок в качестве основного мотива в выборе профессии [4, с. 228]. Данная ситуация, на

наш взгляд, может быть обусловлена, с одной стороны, вполне реальной оценкой учащихся вузов собственных профессиональных возможностей и карьерных перспектив; а с другой – ценностными установками «социальной срединности», которые часто имплицитно предполагают, что высшее образование – самоценный ресурс, способный обеспечить индивиду попадание в средний класс [5]. Значит, отказ от высшего образования совсем не гарантирует индивиду лучших жизненных шансов, притом что выбор в его пользу, напротив, предоставляет выпускнику высшего учебного заведения определенного рода гарантии на получение символического капитала (престижа/признания).

Согласно социологии труда П. Бурдье, концепт «социальный капитал» носит тройственный характер, поскольку включает в себя следующие виды капитала. В нашем случае это главным образом *культурный, символический, экономический* [1]. Подход французского социолога акцентирует внимание на том, что само образование должно также рассматриваться как инвестиционная стратегия в лучшее будущее. Это вполне справедливое замечание относится к тому факту, что в условиях капитализма и рыночной экономики имеет большое значение то, какие финансовые средства семья молодого человека может вложить в его образование. То есть, чтобы индивиду образовываться через труд, в системе высшего образования ему зачастую необходим первоначальный экономический капитал. Последний может быть инвестирован в процесс образования непосредственным образом, когда молодой человек поступает на платное обучение или может быть опосредованным в том, например, случае, когда семья инвестирует финансовые средства на этапе подготовки к Единому государственному экзамену (затраты на репетиторов). Таким образом, поступательный процесс концентрации (накопления) социального капитала предполагает соответствующие стадии не только его приобретения/накопления, но и грамотного инвестирования, что во многом соответствует матрице современного капитализма [1]. Последние находятся в тесной связи с процессом образования, поскольку *образование* может рассматриваться и как форма труда, и как *социальный капитал*, который в соответствии с марксистской трактовкой есть *накопленный труд*. Отсюда можно сделать вывод о том, как взаимодействуют между собой *образование – труд – социальный капитал* в системе общественного производства. На уровне экзистенциального восприятия индивид переживает образование как трудовую деятельность по приобретению знаний, причем если студенту не нравится учиться, то есть предметы и образовательные темы ему не интересны, мы можем

вполне говорить здесь об «отчужденном» труде; если, напротив, студент получает от обучения удовольствие, то есть ему нравится приобретать знания определенного рода, тогда можно сделать вывод о творческом характере его образования в труде. Здесь необходимо помнить также о том, что общественный труд человека носит институционализованный характер, то есть испытывает постоянное воздействие со стороны макромира. При помощи концепта «социальный капитал» мы можем вполне определенно измерять результаты труда как отдельного индивида, так и группы индивидов в масштабе целостной общественной системы.

Таким образом, наряду с социализацией молодого поколения, обучением его новым профессиональным знаниям, навыкам и умениям система высшего образования может рассматриваться в качестве важного фактора накопления социального капитала молодёжи. Ведь для молодого человека сам процесс обучения в вузе является вполне определенной формой труда. На стадии получения образования студент приобретает (накапливает) ресурсы будущего профессионального и карьерного роста. Таким образом, социальный капитал молодёжи – ресурс, который молодые люди накапливают в процессе социальной интеракции посредством включенности в общественные отношения. В данной связи высшее образование как целостная институциональная структура способствует упорядочиванию общественных связей и отношений молодых людей в области приобретения новых знаний, тем самым способствуя их творческому и социальному развитию. В соответствии с концепцией социально-воспроизводственной субъектности молодёжи (В.И. Чупров, Ю.А. Зубок), восходящей к аттитюдам марксистской социологии, молодёжь учится воспроизводить широкий круг знаний и норм предшествующих поколений, но не только лишь механическим образом, а внося в них собственные творческие инновации, передает (транслирует) их новым поколениям [8, с. 139]. Следовательно, система высшего образования способствует тому, чтобы молодёжь могла приобретать различные виды социального капитала, предоставляя им возможность действовать относительно свободно в рамках сложившейся институциональной структуры.

Таким образом, на этапе обучения в вузе студент своим усердием приобретает культурный капитал, который затем будет признан обществом и гарантирован дипломом. Как отмечал П. Бурдьё: «В качестве официального определения некой официальной идентичности диплом как бы освобождает своего обладателя от символической борьбы всех против всех, предписывая ему общепринятую перспективу» [1, с. 81].

На этом примере легко проследить процесс социальной конвертации капитала, то есть когда культурный капитал студента в виде его навыков, умений, профессиональных и общекультурных компетенций посредством установленной государством номинации общественного признания конвертируется в символический капитал – диплом о высшем образовании. Однако на этом приобретение капитала не заканчивается, поскольку молодой специалист должен включиться в реальный процесс общественного труда. Ему ещё только предстоит вложить накопленный культурный (знания) и символический (диплом) капитал в реальный процесс профессиональной деятельности. Затем для молодого человека должен наступить следующий важный этап трудовой социализации, который в случае успеха будет сопровождаться приобретением полноценного экономического капитала (заработной платы). В лучшем случае трудовая деятельность специалиста должна использоваться индивидом как канал вертикальной мобильности. Иначе можно констатировать дисфункцию института образования, который таким образом утрачивает способность выступать в качестве фактора восходящей трудовой мобильности.

Наметившаяся дифференциация российского общества по уровню доходов, приведшая к увеличению разрыва между богатыми и бедными слоями населения страны, породила тренд коммерциализации системы высшего образования в России. В результате отечественные ученые констатируют, что в обществе наблюдается практическое снижение влияния высшего образования на вертикальную мобильность граждан страны, вызванное усилением стратификационной модели закрытого общества [3]. Сохранение данной тенденции на прежнем уровне может в дальнейшем привести к разделению высшего образования на элитное/высшее и массовое/высшее. Складывающаяся ситуация вполне согласуется с характеристиками позднего капитализма, которые были даны теоретиками неомарксистской социологии Франкфуртской школы ещё в минувшем столетии. «Такова, в частности, позиция Теодора Адорно, которая состоит в признании перехода от классового общества в марксовом смысле к массовому обществу, где действует все тот же экономически обусловленный классовый принцип, но социально-классовая группировка иная: класс буржуазии разделен на собственников крупных корпораций, с одной стороны, и средний класс (сейчас в основном не независимые предприниматели, а высокоспециализированные служащие крупных корпораций), который все более зависит от первых и по своему положению в стратифицированном обществе, а также и по образу жизни оказывается мало отлича-

мым от рабочего класса и оба они составляют “массовое общество”» [7, с. 25]. Отсюда можно сделать вывод, что именно представители среднего класса, с одной стороны, являются главными заказчиками и бенефициарами услуг высшего/массового образования; с другой – они также реализуют собственные усредненные консьюмеристские стратегии в обществе массового потребления. Притом что представители новых элит вряд ли считают для себя приемлемым конкурировать на равных с представителями как средних, так и низших классов. Таким образом, обладая изначально более высокими стартовыми возможностями, представители высших классов изначально предполагают обладать несоизмеримо большим социальным капиталом и ресурсом, чем представители классов, находящихся в системе стратификации на более низких социальных позициях. Пожалуй, что первые даже заинтересованы в перспективе создания в России высшего элитарного образования.

Итак, в результате вышерассмотренных тенденций становится вполне очевидным, что всё более важную роль в структуре стратификации российского общества начинает приобретать экономический капитал. «Парадоксально, но именно отношение к образованию не как к культурному, а как к инвестиционному благу внесло и вносит сегодня свой вклад в поддержание несоответствия между подготовкой специалистов разного уровня квалификации, профилей и специализаций (сориентированной на запросы потребителей) и спросом рынка труда» [6, с. 35]. При этом для населения страны особую значимость приобретает инвестиционная стратегия рационального капитализма, при которой основным принципом становятся минимизация издержек и максимизация прибыли. Негативным в данной схеме является то, что в круг издержек зачастую попадают усилия и труд студентов, который они могли затратить на собственное обучение, личностный и культурный рост. В результате доминирующим мотивом становится поиск такой специальности, чей диплом легче всего приобрести, то есть в расчет принимается минимизация усилий и личного труда студента в процессе получения образования. Притом что индивид и его семья предполагают, что выбранная им (ими) профессия в будущем будет приносить большой доход. Однако в своих расчётах молодые люди и их родители часто пользуются такой социальной информацией, которая далеко не всегда точным и адекватным образом репрезентирует процессы, происходящие в сфере разделения труда. Большую роль на их выбор оказывают укорененные в общественном сознании стереотипы. Кроме этого, потенциальные студенты являются объектом профессиональной

ориентации со стороны ведущих вузов и факультетов, которая, по сути, может рассматриваться в качестве скрытой конкурентной борьбы между последними.

Наметившаяся тенденция, во многом связанная с трансформацией большинства посткоммунистических обществ, в течение двух десятилетий привела к диспропорции между выбором молодёжи в пользу профессий гуманитарного и социально-экономического профиля в ущерб реальной потребности экономики страны в специалистах с высоким уровнем технической и естественно-научной подготовки. «Некоторое насыщение рынка труда юристами и экономистами (в частности, со стороны структур системы СПО) стало фиксироваться экспертами уже в начале 2000-х гг. В 2010 г. те, кто имел высшее образование по специальностям «экономика и управление», представляли 33,0 % всех занятых в возрасте 20–29 лет, а среди безработных этой возрастной группы они составляли 35,8 %, соответственно специалисты по гуманитарным специальностям составляли 14,4 % и 17,5 %» [6, с. 36]. Таким образом, деятельность системы высшего образования в России по подготовке специалистов по целому ряду профилей в значительной степени противоречит потребностям рыночной экономики. Однако в этой связи, на наш взгляд, неправильно будет говорить о прямой дисфункции института высшего образования, поскольку он также выполняет латентную функцию социальной защиты граждан от непосредственной стихии рыночного воздействия. Поэтому важно учитывать тот факт, что любой диплом о высшем образовании, то есть даже не всегда согласованный с требованиями рынка, является действенным средством символической компенсации, способным снизить эффект фрустрации, порождаемый экономической депривацией и низким уровнем социальной защиты граждан страны.

Таким образом, роль института высшего образования в процессе концентрации социального капитала молодёжи носит многомерный характер, поскольку ему приходится совмещать функции как социальной фильтрации, так и социального лифтинга, а также учитывать противоречие между личным образовательным выбором молодёжи в пользу той или иной понравившейся профессии и реальными потребностями рынка. Определение на место (*placement*) является важной функцией высшего образования, притом что многое зависит от трудовых усилий самих студентов. Поэтому образование должно интенсифицировать процессы восходящей трудовой мобильности, повышая социальные возможности, прежде всего тех студентов, которые учились лучше других, больше трудились, следовательно, в большем сте-

пени смогли уже в период обучения в вузе концентрировать социальный капитал. Тем не менее исследователи отмечают, что в современном российском обществе наблюдается фактическое снижение роли высшего образования как фактора восходящей мобильности, что во многом связано со стратификационной моделью закрытого общества [3, с. 54]. Притом что наметились вполне очевидные тенденции разделения высшего образования на «массовое/высшее» и «элитное/высшее». Однако в целом отечественные вузы по-прежнему продолжают в первую очередь удовлетворять общественный заказ россиян на высшее образование, зачастую исходя, прежде всего, из символических запросов граждан на диплом, при этом должным образом не учитывая реальной заинтересованности рынка труда в тех или иных специалистах.

Литература

1. *Бурдые П.* Социология социального пространства. СПб., 2004. 288 с.
2. *Воденко К.В.* Взаимодействие социальных институтов религии, науки и образования в современном обществе // Вестник Южно-Российского государственного технического ун-та (Новочеркасского политехнического ин-та). Социально-экономические науки. 2012. № 6. С. 267–272.
3. *Горшков М.К.* Российское общество как оно есть (опыт социологической диагностики). М., 2011. 672 с.
4. *Горшков М.К., Шереги Ф.Э.* Молодежь России: социологический портрет. М., 2010. 592 с.
5. *Колесникова Е.Ю.* Социоструктурная функция образования: проблемы модернизации. Ростов н/Д., 2011. 172 с.
6. *Константиновский Д.Л., Абрамова М.А., Вознесенская Е.Д., Гончарова Г.С., Костюк В.Г., Попова Е.С., Чередниченко Г.А.* Новые смыслы в образовательных стратегиях молодежи: 50 лет исследования. М., 2015. 232 с.
7. *Луков В.А.* Биосоциология молодежи: теоретико-методологические основания. М., 2013. 430 с.
8. *Чупров В.И., Zubok Ю.А.* Социология молодёжи. М., 2011. 336 с.

References

1. *Burd'e P.* Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva. SPbю., 2004. 288 s.
2. *Vodenko K.V.* Vzaimodeystvie sotsial'nykh institutov religii, nauki i obrazovaniya v sovremennom obshchestve // Vestnik Yuzhno-Rossiyskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo un-ta (Novocherkasskogo politekhnicheskogo in-ta). Sotsial'no-ekonomicheskie nauki. 2012. № 6. S. 267–272.
3. *Gorshkov M.K.* Rossiyskoe obshchestvo kak ono est' (opyt sotsiologicheskoy diagnostiki). M., 2011. 672 s.
4. *Gorshkov M.K., Sheregi F.E.* Molodezh' Rossii: sotsiologicheskii portret. M., 2010. 592 s.
5. *Kolesnikova E.Yu.* Sotsiostrukturnaya funktsiya obrazovaniya: problemy modernizatsii. Rostov n/D., 2011. 172 s.
6. *Konstantinovskiy D.L., Abramova M.A., Voznesenskaya E.D., Goncharova G.S., Kostyuk V.G., Popova E.S., Cherednichenko G.A.* Novye smysly v obrazovatel'nykh strategiyakh molodezhi: 50 let issledovaniya. M., 2015. 232 s.
7. *Lukov V.A.* Biosotsiologiya molodezhi: teoretiko-metodologicheskie osnovaniya. M., 2013. 430 s.
8. *Chuprov V.I., Zubok Yu.A.* Sotsiologiya molodezhi. M., 2011. 336 s.